

К счастью, после осмотра школьный врач сказал, что с костями, судя по всему, всё в порядке: ни переломов, ни трещин.

Похоже, всё потому, что когда мяч летел, он сначала задел плечо другого парня, что смягчило часть удара.

Тем не менее, врач снова и снова наказывал Лян Хаожаню понаблюдать за самочувствием в ближайшие дни, и если вдруг появится отек носа, головокружение или другие симптомы тошноты, обязательно съездить в крупную больницу на рентген.

Хотя врач еще и запугивал его, что если головная боль не пройдет, нельзя ни в коем случае терпеть через силу, если честно, Лян Хаожань принял это близко к сердцу едва ли.

В конце концов, если рассуждать о выносливости и отменном здоровье, то здесь, в школе А, если он, Лян Хаожань, назовет себя вторым, вряд ли кто-то осмелится назвать себя первым.

— Кости целы — поистине великое счастье в несчастье.

Выходя из медицинского кабинета и оттолкнув белую раздвижную дверь, пробормотал Лян Хаожань.

— ...

Лу Юньцзэ, вышедший вместе с ним, ничего не ответил.

А ведь только что, внутри медкабинета перед лицом врача, этот парень был довольно разговорчив...

Вспомнив, как незадолго до этого Лу Юньцзэ, опередив его и не успевшего даже рта раскрыть перед врачом, четко и по полочкам разложил весь процесс получения травмы и углы приложения силы, Лян Хаожань невольно тихонько усмехнулся.

Он ведь не трехлетний ребёнок и не до такой степени пострадал, чтобы кости и сухожилия были повреждены, а этот молодой господин с его ледяным лицом и манерой набиваться ему в опекуны со стороны выглядел и впрямь... довольно мило.

— Перед тем как вернуться в спортзал, давай сначала заглянем в класс. Мне нужно переодеться и сходить в туалет, постирать эту спортивную форму.

Сказав это, Лян Хаожань направился в сторону лестничной клетки.

Когда у него только что шла носовая кровь, он машинально утерся полами спортивного костюма, и теперь на одежде красовались пятна.

Верхняя часть летней спортивной формы в их школе — светло-голубая, и те бурые следы крови, отпечатавшиеся на ней, выглядели точь-в-точь как место преступления — донельзя бросались в глаза.

Лян Хаожань думал, что Лу Юньцзэ скажет: «Тогда иди сам, а я пока вернусь в спортзал», но никак не ожидал, что тот, не произнеся ни слова, молча поплетётся следом.

— Эту кровь надо срочно застирать водой, пока она окончательно не высохла, иначе потом не отмоешь.

Между делом бросил Лян Хаожань, опасаясь, что собеседник решит, будто он просто ищет повод прогулять оставшуюся часть урока физкультуры.

Едва затихли его слова, как он отчетливо почувствовал, что чей-то взгляд упорно, не мигая, впился в его профиль.

Стоило повернуть голову, как он тут же встретился взглядом с темными глазами Лу Юньцзэ.

— ...

Лу Юньцзэ так и стоял, молча глядя на него, и не говорил ни слова.

Хотя и в спортзале минувшей минуты этот парень держался с тем же выражением лица, во взгляде его отчетливо читались крупные буквы: «Мне есть что сказать».

Есть что сказать — так бери и говори сразу, к чему эта напускная таинственность...

Уголки губ Лян Хаожаня дернулись, и он, вернув себе прежний раздолбайский вид, заговорил:

— Чего уставился? Неужели я сегодня даже с кровотечением чертовски хорош собой?

— ...

Без всякого сюрприза — никакого ответа.

— Моя дорогостоящая и прямого профиля переносица не пострадала, разве это не удача? — нагло продолжил допытываться Лян Хаожань.

— ...

Разумеется, ответом ему снова послушала тишина.

Вот это и есть настоящий Лу Юньцзэ — слова лишнего не вытянешь.

Только Лян Хаожань успел мысленно отпустить шпильку, как Лу Юньцзэ медленно остановился.

Лян Хаожань тоже замер, а затем и вовсе развернулся, встав к нему лицом к лицу.

— Чего такое?

Приподняв бровь, бросил Лян Хаожань, что означало немой вопрос: какого чёрта ты с самого начала ломаешься.

Лишенные краски губы Лу Юньцзэ шевельнулись.

— ...Это вообще-то я должен у тебя спросить.

Его голос прозвучал едва слышно, словно в следующее мгновение он должен был раствориться в воздухе, но в пустом и тихом коридоре Лян Хаожань расслышал каждое слово.

Лу Юньцзэ отвел взгляд, которым до этого сверлил Лян Хаожаня, уставился в пустоту и продолжил:

— Зачем ты это сделал?

Лян Хаожань не был настолько тугодумом, чтобы не понять столь бессвязную фразу.

Лу Юньцзэ спрашивал его, с какой стати он только что на площадке бросился под удар, заслонив его собой, чтобы принять тот мяч от Хэ Цы.

Зачем он это сделал...

На самом деле, это был тот самый вопрос, который Лян Хаожань и сам хотел бы себе задать.

Во-первых, тогда, заметив, как после первого мяча Хэ Цы Лу Юньцзэ молча сжимает кисть, он интуитивно почувствовал, что тот наверняка повредил сухожилия, и решил, что ни в коем случае нельзя позволять Лу Юньцзэ принимать второй удар.

Мяч Хэ Цы летел словно пушечное ядро, и если бы Лу Юньцзэ попытался отбить его снова, его запястье, пожалуй, и вправду было бы испорчено раз и навсегда.

Впрочем, ответ, который хотел услышать Лу Юньцзэ, скорее всего, заключался вовсе не в этом.

Больше всего этого ломающегося молодого господина интересовало, наверное... почему Лян Хаожань не выносит вида его травм и готов даже пожертвовать собственным лицом, которым так гордился, лишь бы отвести от него беду, не так ли?

По правде говоря, в этой части мотивов Лян Хаожань и сам разбирался хуже всего.

И как бы он ни ломал голову над ответом на это «зачем», на ум приходило лишь одно...

— Да просто... показалось, что в той ситуации я должен был так поступить?

Кроме как «интуиция подсказала» и «показалось, что так надо», Лян Хаожань решительно не мог выдать из себя никаких благовидных причин.

Стоило ему выложить всё как есть, как Лу Юньцзэ тут же перевел устремленный в пустоту взгляд обратно, снова уставившись ему в лицо.

В его холодных темных глазах сейчас кристально четко читалось всего одно слово — «недовольство».

Какую на этот раз струнку в душе этого барчука он умудрился задеть... Ну и тяжелый же у человека характер.

— Не неси чушь, пытайся отделаться от меня, отвечай нормально.

Четко чеканя слова, произнес Лу Юньцзэ, и раздражение в его голосе почти выплескивалось наружу.

Тц, похоже, у Лу Юньцзэ был прескверный изъян: он обожал домысливать чужие мысли, а потом рубить с плеча.

Дрянная привычка, ничего не скажешь.

— Я правда не пытаюсь отделаться.

Хоть Лян Хаожань и сам понимал, что звучит всё это сухо и неубедительно, он вовсе не рассчитывал, что Лу Юньцзэ ему поверит.

В конце концов, судя по их скудному опыту общения в прошлом...

И правда, ожидаемо: на лице Лу Юньцзэ крупными буквами красовалось сарказм — мол, за идиота меня держишь?

Лян Хаожань почувствовал себя чуточку... нет, чертовски обиженным.

— Клянусь, это правда...

— ...

Лян Хаожань мысленно горько усмехнулся: он и сам не понимал, почему тогда, не оставив себе и десятой доли секунды на раздумья, его тело ринулось вперед само по себе, и был бы не против сам спросить кого-нибудь, как так вышло...

— Да и вообще, какая разница, почему я тогда так поступил? В конце концов, ни у одного из нас не осталось переломов или инвалидности, разве не главное? Пусть я немного покровоточил носом и пожертвовал красотой, но врач же сказал, что кости целы.

Именно это было самым искренним его соображением на данный момент.

Желая разрядить эту удушающую, натянутую атмосферу в коридоре, он с напускной легкостью поддразнил собеседника:

— К тому же, если рассуждать совсем абстрактно, случись так, что кому-то из нас двоих непременно пришлось бы пострадать и загреметь в синяках, уж лучше пострадал бы я, чем ты, согласишься, так ведь гораздо выгоднее.

— ...

Лу Юньцзэ нахмурился, помолчал пару секунд, а затем, словно захлебнувшись от злости, резко развернулся и хотел было уйти.

Но прежде чем Лян Хаожань успел сделать шаг следом, тот снова замер и, обернувшись, холодно уставился на него:

— С какой стати твоя травма — это выгоднее?

<http://bllate.org/book/19354/1892268>